

УДК 323.1

Золотухин И.Н.

Филиппинский архипелаг в зеркале этнической ситуации

The Philippine archipelago in the aspect of the ethnic situation

В статье освещается этническая ситуация, сложившаяся внутри страны, анализируется этническая структура филиппинского общества, рассматривается история формирования аборигенных и пришлых этнических групп. Отдельно рассматриваются особенности протекания межэтнического конфликта на Филиппинах на примере противостояния правительства и мусульманского населения южных провинций – моро, выступающего за создание независимой исламской республики.

Ключевые слова: *этносы, этнические группы Филиппин, этнические процесс, этнический конфликт.*

In the article the ethnic situation which has developed in the country is clarified, the ethnic structure of the Philippine society is analyzed, the history of the formation of the native and alien ethnic groups is considered. The features of the course of the interethnic conflict in the Philippines, which based on the confrontation of the government and the Muslim population of the Southern provinces – Moro, struggling for the creation of the independent Islamic republic, are separately considered.

Key words: *ethnoses, ethnic groups of the Philippines, ethnic process, ethnic conflict.*

Среди прочих стран Юго-Восточной Азии Филиппины занимают несколько своеобразное и обособленное положение. Филиппины относятся к островным государствам, не имеющим сухопутных границ, и его политические границы полностью совпадают с физико-географическими границами Филиппинского архипелага, отчетливо выделяющимися в островном мире Юго-Восточной Азии. По природно-климатическим условиям он в целом очень близок к Малайзии и Индонезии, представляя собой главным образом гористую, расчлененную вулканическую терри-

торию, более чем наполовину поросшую густым тропическим лесом [14, с. 425].

Филиппины относятся к странам, где численность населения перманентно возрастает из года в год, несмотря на некоторое сокращение темпов естественного прироста (в середине прошлого века они достигали 18%, а в настоящее время около 2%). Особенно отчетливо такая динамика прослеживается после Второй Мировой войны и получения Филиппинами независимости от американской администрации. Население Филиппин на 1965 г. составляло более 32 млн. человек, в середине 1970-х годов – более 40 млн. человек, к концу 1980-х годов – около 60 млн. человек, на рубеже веков численность превысила 76 млн. человек, на июль 2005 г. она составляла более 87 млн. человек [40], а на июль 2008 – более 96 млн. человек [37]. Филиппины занимают 12 место в мире по численности населения. По прогнозам на середину 2009 г. численность населения республики будет составлять – 97,976,603 человек [26].

Филиппины – полиэтничная страна, причем составляющие ее этносы¹ представляют собой десятки больших и малых народностей, стоящих на разных уровнях социально-экономического развития. Филиппинские языки представляют собой объединение 13 ветвей австронезийских языков, распространенных на Филиппинах и близлежащих островах [44, 48].

Своеобразие путей этнического развития Филиппин обусловлено главным образом тем историческим обстоятельством, что на протяжении трех с половиной веков страна была колонией Испанской монархии – одного из самых отсталых в политическом и экономическом отношении государств Европы. Поэтому колониальная ситуация Филиппин приближалась не столько к положению в Британской или Нидерландской Ост-Индии, сколько к отношениям, сложившимся в латиноамериканском колониальном обществе [8, с. 18].

Испанские миссионеры, поощряемые как Ватиканом, так и испанской администрацией, проводили политику обращения в католичество основной массы населения, жившего на густонаселенных прибрежных равнинах Северных и Центральных Филиппин. В культуре жителей этих районов можно обнаружить параллели с подвергшимися христианизации индейцами латиноамериканских стран: они также сохранили свои языки, некоторые особенности социальной (общинной и семейной) организации, ряд своеобразных черт материальной культуры – в жилище, пище, орудиях труда, утвари, отчасти и в одежде, хотя последняя подверглась значительно испанскому влиянию.

В то же время искоренению подверглись элементы государственного устройства, местная письменность индийского происхождения, религиозная, мифологическая и историческая традиции. Местная элита испанизировалась в наивысшей степени, образовав довольно значительную метисную прослойку, тяготеющую к восприятию европейской культуры и ориентированную в своей системе ценностей на европейские образцы [8, с. 22].

¹ Категория "этнос" рассматривается в определении С.М. Широкогорова как "группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличающихся ею от таковых других групп" (См.: Широкогорov С.М. Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923. С. 13.). Как отмечает А.М. Кузнецов, "с 1990-х годов имя С.М. Широкогорова все чаще стало появляться на страницах научных изданий. Прежде всего, в них констатировался факт, что именно он является создателем концепции этноса" (См.: Кузнецов А.М. С.М. Широкогорov и проблемы исследования этноса // Широкогорov С.М. Этнографические исследования: Этнос. Исследование принципов изменения этнических и этнографических явлений. Владивосток. Изд-во ДВГУ, 2002. С. 4).

С другой стороны, этнически очень близкие к испанизированным и христианизированным жителям равнин многочисленные племена недоступных горных районов до недавнего времени полностью сохраняли культуру и уклад жизни, которые сложились у них еще до испанского завоевания.

Особое положение занимали некоторые народы юга архипелага, прибрежных районов о-ва Минданао и островов Сулу-Самаль. Здесь сохранялись государства мелких феодалов, построенные по раннефеодальным принципам. Эти народы, воспринявшие ислам еще до прихода испанцев (как считают многие ученые, в последней четверти 13 в., причем миссионерскую деятельность проводили малайские купцы, хотя имеются предположения, что Южные Филиппины познакомились с новой для них верой еще в IX веке. [34, 7, 8]) получили от последних сборное наименование "моро" (мавры). В XV веке на архипелаге Сулу возникает первый султанат, в первой четверти XVI века появляются султанаты на Минданао [8, с. 29].

Проникновению на Филиппинский архипелаг ислама способствовали тесные контакты филиппинских этносов с Индонезией и Малайей. Влияние ислама на этническое развитие Филиппин нельзя назвать однозначным хотя бы потому, что мусульманская культура, войдя в соприкосновение с местными культурами, способствовала своеобразному культурному синтезу, формированию специфической этнической картины. Принятие ислама присело к обособлению и определенному противопоставлению мусульманских народов Филиппин (моро), несмотря на то, что их исламизация была своеобразной и, в конечном счете, относительной, сочетаясь со значительными элементами традиционных анимистических верований. По мнению П. Гоуинга, распространение ислама на Сулу и Минданао прошло легко и спокойно потому, что местные нормы права без труда сочетались с новой религией [8, р. 22].

В течение 300 лет моро боролись с испанскими колонизаторами [1, с. 172] и лишь в кон. XIX в. признали суверенитет испанской короны. В 1893 г. султан Джамалул Кирам II был официально признан испанскими властями [42, р. 647]. Тем самым этот район, с одной стороны, органично вошёл в состав Филиппин, с другой – сформировался как особый регион этой области, спецификой которого стала мусульманская религия. Ислам сыграл здесь роль этнообразующего фактора [43, р. 38].

В 1899 году, после поражения Испании в испанско-американской войне, полковник Луис Уэрта, последний губернатор Сулу, оставил свой гарнизон американцам [36]. Американское господство в течение первой половины XX века обостряло противоречия между мусульманами и христианами, формируя враждебное отношение к моро, разжигая антагонизм. В то же время, период американского господства можно охарактеризовать как период интеграции филиппинских народов и укрепления национальной буржуазии [8, с. 72].

Для послевоенного развития Филиппин в условиях независимости характерно усиление миграционных процессов, вызванных кроме всего прочего стремлением властей в начальный послевоенный период депортировать бывших участников Сопrotивления в отдалённые области. Миграционные процессы приводят к серьёзным конфликтам, особенно на юге Филиппин (остров Минданао), где столкновения принимают форму религиозных конфликтов, а впоследствии, трансформируются в сепаратистские движения [13, с. 28].

Современное коренное население Филиппин по своему культурному облику довольно резко распадается на три различные группы [15].

Первая группа – наиболее многочисленная, сюда входят так называемые равнинные или христианизированные народы Филиппин

[18, с. 286]. Христианство исповедуют 90% населения, среди них более 80% – католики. Крупнейшим среди них народом, сыгравшим ведущую роль в истории страны, являются тагалы – их свыше 21,4 млн. человек [26]. Они заселяют центральную часть Лусона, о-ва Маршпудуке и Полильо, большую часть Миндоро, т. е. наиболее развитые в экономическом и культурном отношении центральные районы Филиппин.

К этой же группе относятся следующие народы. Висайя, в общей сложности насчитывающие около 26,25 млн. человек [26]. Их трудно назвать единым народом: скорее это сборное наименование ряда близких по языку и культуре мелких народностей, таких, как хилигайон, сугбуанон, самарнон и другие, каждая со своим специфическим диалектом языка висайя. Наиболее крупные этнические общности этой группы – себуано (10 млн. человек) и хилигайон (5,7 млн. человек), заселяющие главным образом острова Самар, Лейте, Себу, Негрос, Бохоль и Панай. Висайское население также проживает на юге Миндоро, на севере Палавана и Минданао [27].

Илоки, или илокано, насчитывают порядка 6,89 млн. человек. Первоначально были сосредоточены на северо-западном побережье Лусона, но, будучи наиболее подвижным и склонным к миграции этносом, в настоящее время заселяют север Кагайанской долины и часть Центрального Лусона. Отдельные их поселения встречаются и в других районах Филиппинского архипелага [38].

Биколы (около 4,6 млн. человек) заселяют юго-восточную часть Лусона (п-ов Бикол), острова Масбате и Катандуанес. К более мелким народам этой группы, каждый из которых насчитывает около 1 млн. человек и менее, принадлежат пангасинаны, пампанганы, самбалы и кагаяны. Они заселяют одноименные районы о-ва Лусон [38].

Поскольку все эти народы долгое время подвергались довольно сильному испанскому влиянию, в их этническом самосознании нет такого четкого, как у большинства других народов Южной и Юго-Восточной Азии, противопоставления "западных" и "восточных", европейских и традиционных элементов культуры. В связи с этим и восприятие европейского языка, сначала испанского (главным образом только верхушкой общества), а затем, с приходом американцев на Филиппины (с начала XX в.), английского, получившего значительно большее распространение, чем испанский, прошло достаточно безболезненно [10, с. 282].

Вторая группа – это так называемые горные народы. Сюда входит большое число народностей и племен весьма разной численности. У многих из них стойко сохраняются племенные верования и культы, особенности материальной и духовной культуры. Христианизация коснулась их только в XX в., и то лишь частично. Но и христианизированные горцы в конфессиональном отношении отличаются от равнинных народов, так как они восприняли в основном протестантизм (благодаря деятельности американских миссионеров). Среди крупнейших горных народов можно выделить: на Лусоне – ифугао (более 100 тыс. человек), калинга (около 100 тыс. человек), бонтоков (более 100 тыс. человек) и апапо (более 50 тыс. человек); на Минданао крупнейшими народами являются субаноны, букидноны и билааны (свыше 100 тыс. человек каждый), манобо, мандайя и др. На Миндоро и Палаван живут мангианы, куйононы, и др. [38].

Среди горных народов особо следует отметить группы аэта. Это остатки древнейшего автохтонного населения Филиппин, принадлежавшего к австралоидам – негрито, специфическому расовому типу очень небольшого роста. Аэта и близкие к ним племена мамануа, баттак и другие населяют самые труднодоступные части Лусона, Минданао, Палавана и некоторых других островов [35, р. 348-349]. В хозяйстве аэта

до недавнего времени преобладали охота и собирательство, а сами они по ряду признаков могут быть отнесены, согласно концепции ХКТ,¹ к первому хозяйственно-культурному типу [5, с. 5-23]. Численность автохтонного населения сокращается и в настоящее время колеблется между 20 и 30 тыс. человек [38]. Правительство финансирует образовательные программы, направленные на их обучение.

В период испанского владычества горцы рассматривались как дикие и кровожадные язычники [35, р. 348-349]. В настоящее время отношение к ним в стране изменилось, но положение их в системе филиппинского общества двойственное. С одной стороны, возрастает интерес к культуре горцев, в которой видят исконно филиппинское, не затронутое испанским влиянием культурное наследие. С другой стороны, основная масса населения гор достаточно остро ощущает свою экономическую и культурную отсталость и вытекающее отсюда фактическое неполноправие, хотя в последнее время процесс включения горцев в современную жизнь идет достаточно высокими темпами [9, с. 29-30].

Наконец, третья группа – моро, насчитывает около 5 млн. человек и включает несколько крупных народностей: магинданао (проживающие в районе реки Минданао на одноименном острове); ланао, или маранао (район озера Ланао); яканы (на острове Басилан), сулу-самаль, таусуг – на архипелаге Сулу и южном побережье Минданао. К моро относится еще ряд мелких групп [47]. Как уже отмечалось, этнообразующим фактором у моро стал ислам.

Из некоренного населения Филиппин следует отметить китайцев, которые являются самой значительной по численности этнической группой населения страны [20, р. 24]. Большинство из них успешные и процветающие бизнесмены, в основном говорящие на китайском, английском языках и пилипино. Их насчитывается около полутора миллиона человек (почти 2% населения страны) [27]. Точное число проживающих на Филиппинах китайцев до сих пор не установлено [31, р. 2].

В стране проживает также значительное число метисов (их численность примерно насчитывает 2% всего населения страны), составляющих группу экономически и политически влиятельного меньшинства [31, р. 2].

Метисы китайского происхождения (чиной или чинитос – на тагалог) проживают в основном в Маниле (район Бинондо) и Пампанга. Их численность превышает 1 миллион человек. Таким образом, вместе с китайцами они составляют самую большую группу некоренного населения.

Ричард Чу отмечает у китайцев на Филиппинах два вида идентичностей – локализованную и транснациональную, в зависимости от характера политической власти в стране проживания [25, р. 11]. Например, в период испанского господства, многие китайцы "испанизировались" – женились и крестили детей по католическим обрядам, но в то же время они продолжали заботиться о женах и детях, оставленных в Китае, отправляя им деньги и оставляя им значительные суммы по завещаниям. Во время филиппинской революции китайцы "офилиппинизировались" – они стали политически активным населением, выступавшим за независимость от испанской короны, однако китайские иммигранты сохра-

¹ Концепция ХКТ (хозяйственно-культурного типа) была разработана в 1970-х годах в СССР М.Г. Левиным и Н.Н. Чебоксаровым как чисто этнографическая классификация и применялась для изучения этногенеза народов, их этнической истории, истории хозяйства, материальной и духовной культуры. Отличительной особенностью классификации ХКТ является подчеркивание исключительной зависимости хозяйственно-культурной типологии от условий географической среды вообще и от условий хозяйственной деятельности человека в частности. (См.: Садохин А.П. Этнология. / А.П. Садохин, Т.Г. Грушевицкая. М., 2000. С. 130-131).

няли верность своему культурному наследию. Исследователь отмечает, что, с одной стороны, речь идет о политической мимикрии китайского населения, с другой стороны, сохранение культуры материнского ядра оказалось возможным во многом из-за сохранившихся связей с континентом [25, p. 11].

Чень Янде отмечает увеличение численности китайцев в Себу-Сити. В этом городе численность китайского населения находится на втором месте после Метра-Манилы. Исследователь отмечает роль китайской диаспоры в установлении связей с Китаем, не оставляя без внимания и такие, характерные для китайского менталитета особенности, как трудолюбие, неприхотливость, предприимчивость.

Китайская диаспора на Филиппинах называет себя Циной (Tsinoy – производное от Чиной (китаец) и Пиной (филиппинец)). Исследователь видит в этом самоназвании соединение китайского прошлого и филиппинского настоящего [55, p. 12].

Анг Си выделяет 2 волны иммиграции китайцев на Филиппины, и отмечает, что если "чуцяо – старая волна китайской иммиграции, оставили Китай по причинам экономической отсталости, то хинцяо – новая волна, покидают Китай, несмотря на высокие темпы экономического развития и модернизации страны" [22]. Исследовательница видит 3 главные причины такого положения вещей: 1) торговые и деловые отношения, 2) желание изучить английский язык для карьеры и статуса, 3) противостояние политике "одна семья – один ребенок" [22].

Метисы испанского происхождения или испанометисы (тисой – на тагалог) насчитывают 1 млн. человек и концентрируются, главным образом в пределах столицы, часть их них проживают в муниципальных районах Баколод и Замбоанга. В основном они англоговорящие, но также используют и пилипино. Что касается испанского языка, то он используется в качестве разговорного языка и в основном в домашних условиях. Испанометисы составляют большинство представителей высшего класса. Они входят в политическую элиту, занимают высшие административные должности, осуществляют контроль над экономикой страны. Им принадлежат значительная доля торгово-промышленного капитала. Для них характерна строгая эндогамия (по крайней мере, смешанные браки с представителями других этнических групп почти не практикуются) [27]. Некоторые исследователи отмечают присущие этой общности предубежденность и фаворитизм, которые, по их мнению, являются пережитком колониального менталитета. Многие испанометисы являются как бы воплощением "идеалов красоты", а благодаря кинематографу и телевидению эталоны "идеального филиппинца" активно внедрились в сознание населения [12, с. 125].

Первые метисы японского происхождения были потомками японцев-католиков, прибывших на архипелаг почти 400 лет назад. Большинство христиан-японцев, изгнанных токугавским режимом, возглавляемые самураем Такаяма Укон, обосновались в Дилао в 1614 г. [27]. После Второй Мировой войны начались преследований против японцев, и некоторые потомки переселенцев Страны восходящего солнца были вынуждены либо уйти в горы, либо поменять имена и ассимилироваться. Примерно 10000 японцев и метисов японского происхождения были уничтожены или казнены, часть из них была депортирована [19, p. 32].

В настоящее время на Филиппинах проживает от 100 до 200 тысяч метисов, имеющих японские корни. Большинство этих метисов – результат послевоенных браков между филиппинцами и японскими иммигрантами. Говорят в основном на пилипино. Значительное число метисов проживают в Давао и его окрестностях [39]. Местные жители называют их "хапинос", это слово имеет уничижительную окраску. Среди наиболее

известных филиппинских метисов, в чьих жилах течет японская кровь, можно назвать поэта Хосе Рисаля и актрису Томлин Томиту [27].

Численность метисов американского происхождения (амерасиаты) варьирует в пределах от 20 до 30 тысяч человек. Большинство из них проживает в окрестностях бывших военных баз США – Кларк-филд и Субик-бэй. Разговаривают на английском и пилипино [21].

Среди прочих этнических общностей Филиппин можно выделить индийцев, их насчитывается около 30 тыс. человек. Они подразделяются на 2 общности – синдхи и пенджабцы. В первой половине XX века британская колониальная администрация в Индии поощряла их миграцию на Филиппины, надеясь, таким образом, снизить остроту этноконфессиональных конфликтов в самой Индии. В 1947 году их территория перешла Пакистану. В Маниле была создана одна из крупнейших общностей синдхов (кроме нее, существуют диаспоры синдхов в следующих странах по всему миру – Барбадос, Гана, Нигерия, Марокко, Испания, Парагвай, Индонезия, Япония, Таиланд, Сингапур). В отличие от китайской диаспоры (циной), синдхи не интегрировались в филиппинскую жизнь и даже отдалены от пенджабцев (также как и в Индии) [52, p. 13].

На Филиппинах проживает также небольшое число арабов. Они концентрируются главным образом на Минданао. Это потомки миссионеров, распространявших ислам на Филиппинах, в Малайзии и Индонезии. Их насчитывается примерно 31 тыс. человек. Их основные языки – арабский и тагалог. В большинстве своем они все чаще идентифицируются с моро, поскольку вступают с ними в браки и исповедуют ислам [27].

Наконец, в стране проживают и другие незначительные по численности сообщества экспатриантов из различных стран. Они включают примерно 50 тыс. европеоидов из Европы, Америки, Канады, и Австралии, исследующих экономические и инвестиционные возможности страны; приблизительно 35 тыс. индонезийцев, большинство которых является либо незаконными иммигрантами, либо беженцами, но также есть много студентов [51]; приблизительно 30 тыс. японцев и корейцев, которые являются иммигрантами "новой волны" и представляют собой сравнительно недавний феномен [41, 23]. Есть тысячи вьетнамцев, большинство из которых проживают в Палаване, где раньше располагался транзитный лагерь для беженцев из Вьетнама, стремившихся попасть в США. Многие из них вернулись назад в Палаван. Здесь также проживает много метисов американо-вьетнамского происхождения [29, p. 76].

Кроме того в стране проживает 17 тыс. испанцев (7 тыс. басков и 10 тыс. кастильцев), которые воспринимают себя как часть филиппинской нации. Многие из них (испанцы и метисы) являются представителями элитных семей, таких, например, как Аяла, Зобель, Аранета и Ортигас. Пример известной метиски, имеющей испанские корни, – Изабель Прейслер, – бывшая жена Хулио Иглесиаса и мать Энрике Иглесиаса [27].

Еще недавно казалось, что небольшое число постоянно живущих в стране арабов, индийцев, европейцев, американцев, японцев и корейцев не оказывают влияния на этническую картину страны. Сейчас этот тезис представляется как минимум спорным, поскольку эти общности играют важную роль в социокультурной и экономической жизни республики [30, p. 37].

Основным содержанием этнических процессов современных Филиппин можно считать постепенную консолидацию равнинных народов при ведущей роли тагальской этнической общности. В перспективе эта консолидация может привести к формированию той самой единой филиппинской нации, существование которой настойчиво декларируется в выступлениях многих общественных деятелей на Филиппинах. Но при

бесспорном наличии отчетливой тенденции к такой консолидации нельзя не отметить и ряд факторов, задерживающих развитие этнических процессов в этом направлении.

Нельзя забывать, что наряду с все более распространяющимся сознанием принадлежности к общефилиппинскому единству параллельно с ним продолжает существовать конкретное этническое самосознание илоков, пампанганов, пангасинанов, биколов и других народов. Несколько менее отчетливо это выражено у висайя, поскольку у них больше ступеней этого самосознания – общефилиппинское сознание, общевисайское и конкретно-островное. Что касается тагалов, то в настоящее время для них филиппинское и тагальское самосознание по существу совпадают [15].

Интенсификации общения между различными этническими группами филиппинцев способствуют внутренние миграционные процессы. Растет уровень этнической смешанности населения не только в городах, но и в сельской местности. После Второй Мировой войны усиливается миграция населения с севера на юг; более всего в нее были вовлечены илоки, отчасти пампанганы, пангасинаны и тагалы; в заселении свободных земель на Минданао активно участвовали и висайя [8, с. 186-187]. В то же время эти передвижения привели к межэтническим столкновениям, которые в свою очередь стали основой сепаратистских движений на юге страны.

В целом равнинные народы Филиппин представляют собой уже достаточно однородное общество с преобладанием общефилиппинских тенденций. Причем ни одни из этих народов не может считаться находящимся на положении национального меньшинства или дискриминируемой группы.

Одна из основных проблем на пути достижения общефилиппинской консолидации – это языковая проблема. Испанский язык давно уже не играет в стране сколько-нибудь заметной роли. Повсеместное распространение с начала XX века (за годы американского господства) получил английский язык, являющийся по Конституции 1987 года государственным. Им владеют далеко не все (особенно в сельской местности) и не в одинаковой степени. Получение же любого уровня образования, кроме самого начального, тесно связано с овладением английским языком. На нем издается основная масса прессы и литературы, в том числе оригинальной художественной, как прозы, так и поэзии.

Прилагаются определенные усилия по распространению языка пилипино, провозглашенного государственным, в реальности представляющего собой не что иное, как литературный вариант тагалог, лексически несколько обогащенный за счет других языков. Поскольку для илоков, висайя и многих других народов он практически непонятен, распространение его в этих районах наталкивается на значительные трудности. Пока что наряду с усилиями, направленными на внедрение пилипино, можно констатировать все большее расширение сферы употребления английского языка, хотя языком семейного и бытового общения всегда остается родной язык.

В последнее время правительство осуществляет поощрение программ изучения испанского языка, который считается незаслуженно забытым. В 1973 году испанский язык потерял статус официального, в 1986 году он перестал быть обязательным предметом в школах, а с 1987 года и в университетах. По данным Института Сервантеса ныне на Филиппинах проживает около 3 180 000 людей, знающих литературный испанский язык, но менее 3 тыс. жителей из более чем 90-миллионного населения страны по-прежнему считают испанский язык родным. Изучают испанский язык около 30 тыс. филиппинцев [46, р. 61]. Президент

Глория Макапагал Арройо вновь ввела испанский в качестве обязательного предмета в филиппинских школах с 2008 года.

Представляется, что сближение равнинных "христианских" народов Филиппин – это необратимый процесс, который, в конечном счете, может привести к стиранию остатков этнической розни между этими народами, к решительному перевесу общефилиппинского национального самосознания над местным, к повсеместному распространению языка единого общения (неизвестно, правда, английского или филиппино).

В перспективе возможно постепенное продвижение народов Филиппин по пути формирования единой нации. Однако этот путь сопряжён с решением целого ряда проблем.

Во-первых, проблема сплочения равнинных народов – преодоление взаимного недоверия, негативного отношения к тагалам со стороны некоторых других народов и т. д.

Во-вторых, проблема моро, которая приобрела большую остроту с 1970-ых гг., носящая политический характер.

В-третьих, проблема интеграции многочисленного китайского населения, занимающего важные позиции в экономике [17, с. 149].

В-четвёртых, проблема преодоления отчуждённости и социально-экономического отставания горных народов.

В-пятых, проблема аэта, которая в сочетании с четвёртой проблемой имеет специфику преодоления расовых предрассудков [9, с. 30-31].

Филиппины полиэтничны по своему составу и представляют собой тип этнических общностей, который охарактеризован рядом отечественных исследователей как "метаэтнические общности" [2, с. 82]. Как уже отмечалось, процесс их национального развития определяется формированием одной крупной господствующей нации из наиболее развитых, основных христианских народов. При этом многочисленные мелкие народности и племена, населяющие горные районы архипелага, из-за своей социально-экономической и культурной отсталости, резко контрастирующей с уровнем развития основных равнинных народов, подвергаются в процессе общего национального развития ассимиляции, либо оказываются обречены на стагнацию, и даже вымирание.

Особенно далеки от консолидации с другими народами Филиппин мусульманские народы юга – моро. Этому есть исторические предпосылки, уже обозначенные в начале статьи. Мусульманское движение на Юге уходит корнями в отдаленное прошлое, вызвано сложным комплексом противоречий – социально-экономических, политико-идеологических, социокультурных, религиозно-этнических – между христианизированным большинством и исламизированным меньшинством филиппинского населения [34, р. 26]. На поверхности политической жизни оно выступает как конфронтация (в том числе и в виде вооруженного конфликта) отсталой, длительное время подвергавшейся дискриминации мусульманской периферии и развитого христианского центра.

Во многом обострению ситуации способствовали колониальные власти. Еще с XVI века испанцы начали осуществлять управление этническими процессами, стремясь создать однородное общество путем христианизации местных жителей [8, с. 16]. С конца XIX века американцы начали проводить целенаправленное построение филиппинской нации параллельно с курсом демократизации страны.

Говорить о безуловном успехе американского эксперимента на Филиппинах вряд ли является возможным. Методы испанцев и американцев хорошо проясняет следующая шутка: "Филиппины – это 300 лет испанского монастыря и 100 лет Голливуда" [11, с. 240]. Ни те, ни другие не смогли добиться интеграции мусульманского населения в общефилиппинское сообщество. И если испанцам пришлось признать незави-

симось моро, то проамериканское правительство стало проводить более гибкую и в то же время изоциренную политику, получившую название "политика привлекательности". Ее цель заключалась в поощрении интеграции мусульманской общины в филиппинское общество. Эта политика основывалась на принципах доверительного колониализма (проху colonialism), легализованного Актом об Общественной земле 1919 года, который отменял права наследования собственности, основанные на шариате. Акт также предоставил государству право присуждать права владения земельной собственностью. Считалось, что мусульмане будут "учиться" у "более продвинутых", обращенных в христианство филиппинцев, и интегрируются в филиппинское сообщество форсированными темпами [32, р. 53].

В феврале 1920 года, филиппинский Сенат и Палата Представителей приняли закон N2878, который упразднил Департамент по Минданао и Сулу и передал его обязанности Бюро нехристианских Племен при содействии Министерства внутренних дел. Недовольство мусульман росло. В 1921 и 1924 гг. мусульманские лидеры выступили с прошениями о переводе Минданао и Сулу под юрисдикцию США. Понимания тщетность вооруженного сопротивления, некоторые мусульмане стремились найти выгоду в сложившейся ситуации, участвуя в политической жизни страны. В 1934 году Аролас Тулави (Сулу), дату Мананданг Пианг Блах Синсуат (Котабаты) и султан Алаойа Алонто Ланао были избраны в Учредительное собрание (Конституционное собрание). В 1935 году, два мусульманина были избраны в Национальное собрание [33, р. 54-62].

Однако в целом американское господство в течение первой половины XX века скорее обостряло противоречия между мусульманами и христианами, консервируя проявления антагонизма [4, с. 142]. После Второй Мировой войны "мусульманский фактор" на Филиппинах не просто значительно ослабил процесс государственной консолидации, но и напрямую способствовал развитию наиболее мощного и организованного сепаратистского движения этноконфессионального типа на юге страны.

Для возникновения и развития сепаратистских движений исследователи называют ряд необходимых условий, среди которых наиболее важными являются следующие:

1. Длительность проживания, компактность и значительное численное превосходство дискриминируемого меньшинства в районе его расселения над доминирующим этносом.

2. Труднодоступность районов действий сепаратистов.

3. Высокая степень развитости этнического, конфессионального самосознания в среде национального меньшинства, проявляющаяся, в частности, в противопоставлении на уровне массового сознания своего народа чуждому господствующему этническому и/или конфессиональному большинству.

4. Нестабильность экономического и политического положения в стране.

5. Материальная и моральная поддержка извне [6, с. 62].

Этнические процессы среди моро шли и идут вне процесса создания общефилиппинского национального единства. Развитие капиталистических отношений в мусульманских районах (еще более замедленное и запоздалое, чем в христианских северных и центральных областях) способствовало религиозно-общинному обособлению моро, росту "мусульманского национализма", ориентации на систему общеисламских духовных и культурных ценностей. Централизация власти при режиме "нового общества" Фердинанда Маркоса (1975-1981 гг.) и укрепление принципа унитаризма в государственном устройстве Филиппин противостояли (и объективно способствовали) сепаратистскому движению сре-

ди филиппинских мусульман под лозунгом государственного выделения южных районов в особую "исламскую республику" [8, с. 167].

Вскоре после прихода к власти в Маниле новой администрации во главе с Корасон Акино правительство начало мирный диалог с вооруженной оппозицией, в том числе и с мусульманскими сепаратистами. Было заключено соглашение о прекращении огня. Основой последовавших затем переговоров стали согласие правительства на предоставление автономии мусульманским районам и официальный отказ Фронта национального освобождения моро (ФНОМ) от требования отделения.

При всей важности диалога с ФНОМ администрация К. Акино не ограничивала им свои попытки нормализовать обстановку в южных провинциях. Дальнейшим мероприятием по решению мусульманского вопроса стало принятие Конституции Филиппин 1987 года, согласно которой за мусульманами Минданао и Кордильер признавалось право на автономию тех территорий, которым присуще историческое и культурное наследие [53].

Параллельно была сделана попытка улучшить отношения с Малайзией с целью лишить ФНОМ возможности использовать территорию штата Сабах в качестве тыловой базы. С этой целью правительство Филиппин заявило, что оно признает суверенитет Малайзии над Сабахом при условии соответствующей материальной компенсации наследникам султаната Сулу, во владении которого находилась эта территория до установления над ней британского господства [3, с. 92]. Сами лидеры ФНОМ сосредоточили усилия в дипломатической сфере. В 1988 году они предприняли неудачную попытку добиться для своей организации статуса полноправного члена Организации Исламская Конференция, затем начали кампанию сбора подписей южнофилиппинских мусульман под документом, свидетельствующим об их поддержке запланированного ФНОМ создания правительства "Республики бангса моро" в изгнании [6, с. 92].

Более эффективные мероприятия филиппинского руководства, реализуемые с начала 1990-х годов, были связаны с программой экономической модернизации и политической стабилизации. В результате многоэтапных переговоров было подписано сначала соглашение о прекращении огня (в январе 1994 года), а через два с половиной года, в сентябре 1996 года – мирный договор с руководством ФНОМ [45]. Договор предусматривал создание на юге страны специальной зоны мира и развития под управлением Совета мира и развития юга Филиппин, возглавляемого лидером ФНОМ Нуром Мисуари, в задачу которого входили подготовка автономии и реализации программы социально-экономических преобразований в южных районах [49, р. 12-13]. В январе 1997 г. правительство заключило соглашение о временном прекращении огня с конкурентом ФНОМ, Исламским фронтом освобождения моро (ИФОМ) [50, р. 13].

Однако полностью урегулировать проблему оказалось невозможным. Соглашения о перемирии между центром и мусульманскими повстанцами заключались неоднократно, но все они так и не привели к нормализации ситуации. Каждый раз мирная передышка использовалась мусульманскими группировками для доставки крупных партий вооружения, переформирования и наращивания численности своих вооруженных отрядов. На переговорах сепаратисты всегда стремились выступать с позиции силы: в случае отказа правительства выполнить их требования угрожали немедленным возобновлением боевых действий. В ответ правительство наращивало свои войска на Юге, и после очередного разрыва переговоров столкновения возобновлялись с новой силой.

В результате дипломатических маневров Манилы часть ранее под-

держивавших сепаратистов мусульманских государств пересмотрело свою позицию, высказалось за территориальную целостность Филиппин, в пользу решения проблемы моро конституционным путем. Летом 2005 года президент Филиппин Глория Арройо заявила о намерении рассмотреть возможность установления в стране федеративного строя и предоставить южным провинциям автономию. Это означает, что официальная Манила готова вернуться к проекту создания на юге субъекта филиппинской федерации для "бангса моро".

За последние годы процесс решения "мусульманского вопроса" ускорился. На недавно прошедшей трехсторонней конференции, на которой принимали участие правительство Филиппин, ФНОМ и ОИК обсуждались пути выполнения мирного соглашения, подписанного в сентябре 1996 года. Стороны обсуждали 5 главных проблем: юридическую (шариат и судебная власть), институциональную (характер объединенного регионального управления), проблему образование, проблему экономических и природных ресурсов, политическую (выборы в новые органы власти и нормы представительства) [24]. Безусловно данный шаг является важным в деле урегулирования этнической проблемы, пусть филиппинское правительство по-прежнему не готово форсировать события, но оно открыто для многостороннего диалога.

Филиппинские власти смотрят весьма оптимистично на решение проблемы моро, существуют официальные заявления о том, что окончательное мирное соглашение с ИФОМ будет подписано до 2010 года [28]. Однако ситуация осложняется тем, что сама проблема никогда не носила только внутривнутриполитический характер. В частности, исламская группировка "Абу Сайяф" ("Отец-меч") является "филиппинским филиалом" международной террористической организации "Аль-Каида". Так что перспективы мирного урегулирования зависят теперь не только от планируемой федерализации самих Филиппин и решения социально-экономических проблем мусульманской общины, но и от успехов международной коалиции в борьбе против общего врага всех цивилизованных стран – глобального терроризма. В сентябре 2005 года Национальный центр по противодействию терроризму США причислил Филиппины к числу стран с наиболее высоким в Азии уровнем террористической активности. В настоящее время на территории филиппинского архипелага действует около десятка группировок, причисленных к террористическим организациям, среди них наиболее активны организации "Абу Сайяф", ФНОМ и ИФОМ [54].

Для решения проблемы интеграции филиппинских мусульман в экономической и политической жизни страны необходимо урегулирование внутренних военных конфликтов в районах проживания моро, что является жизненно необходимым для существования любого полиэтнического сообщества. Конфликтные межэтнические отношения, характер и тенденции их развития всегда негативно влияют на основные процессы социально-экономического, культурного и политического развития любого государства. Они не просто задерживают и нарушают ход общественного развития, но и способны изменить всю его ориентацию, породить новые негативные тенденции, заложить основу для будущих конфликтов других поколений.

Литература

1. Берзин Э.О. Юго-Восточная Азия и экспансия Запада в 17-нач.18 вв. М.: Наука, 1987. 280 с.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
3. Голубева Е.В. Государственная власть и партийно-политическая структура в условиях буржуазно-авторитарных режимов Индонезии и Филиппин // Политические отношения на Востоке: общее и особенное. М.: Наука, 1990. С. 82-96.
4. Губер А.А. Филиппинская республика 1898 г. и американский империализм. М.: Наука, 1961. 264 с.
5. Козлов В.И. О классификации этнических общностей // Исследования по общей этнографии. М.: Наука, 1979. С. 5-23.
6. Крылов А.Б. Сепаратизм в странах Востока. М.: Наука, 1992. 176 с.
7. Левинсон Г.И. Идеологи филиппинского национализма. М.: Наука, 1983. 296 с.
8. Левтонова Ю.О. История Филиппин: краткий очерк. М.: Наука, 1979. 295 с.
9. Мешков К.Ю. Особенности этнонационального развития Филиппин // Восток. 1999. N 1. С. 23-31.
10. Плотник Е.Ю. Филиппины // Этнические процессы в странах Юго-Восточной Азии. М.: Наука, 1984. С. 280-286.
11. Подберезский И.В. Приключения демократии на Востоке // Восток – Запад – Россия. Сборник статей. М.: Наука, 2002. С. 239-268.
12. Подберезский И.В. Филиппины: поиски самобытности. М.: Наука, 1984. 150 с.
13. Прусакова Н. Г. Мусульманские меньшинства в политической жизни стран Востока. М.: Наука, 1990. 151 с.
14. Страны мира. Краткий политико-экономический справочник. М.: Республика, 1993. 489 с.
15. Страны мира. Филиппины. Энциклопедия "Кругосвет" // URL: http://www.krugosvet.ru/enc/strany_mira/FILIPPINI.html [Дата обращения: 03.04.2009 г.].
16. Тайван Л.Л. Становление политических организаций филиппинских мусульман // Юго-Восточная Азия в 70-е гг. М.: Наука, 1974. С. 167 – 180.
17. Троякова Т. Г. Экономическое развитие стран АТР. Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1999. 298 с.
18. Энциклопедия Народы и религии мира. Под. ред. В.А. Тишкова. М.: Наука, 1998. 698 с.
19. Afable Patricia O. Japanese Pioneers in the Northern Philippines Highlands. Filipino-Japanese Foundation of Northern Luzon, Inc. Baguio City, 2004.
20. Agoncillo Teodoro A. History of the Filipino People. Quezon City: Garotech Publishing, 1990. 452 p.
21. Americans, U.S. of Philippines // URL: <http://joshuaproject.net/data-sources.php> [Дата обращения: 05.04.2009 г.].
22. Ang See Teresita. Influx of New Chinese Immigrants to the Philippines: Problems and Challenges. Paper presented at the International conference on Philippine-China Relations: Charting New directions in a Changing Global Environment. Crowne Plaza Galleria Manila, Ortigas Center. Queson City: 21-22 October. 2005.
23. Azurin Arnold Molina. The Japanese in our Midst: An Exploratory Analysis of the Experiences of Japanese Migrants/Settlers in the Philippines // Exploring Transnational Communities in the Philippines. Edited by Virginia A. Miralao and Lorna P. Makil. 2007. P. 90-112.
24. Cal Ben. Quest for peace on momentum // URL: http://opapp.gov.ph/index.php?option=com_content&task=view&id=333&Itemid=115 [Дата обращения: 05.04.2009 г.].

25. Chu Richard T. Catholic, Sangley, Mestizo, Spaniard, Filipino: Negotiating "Chinese" Identities at the Turn-of-the-Twentieth-Century Manila // *The Philippines as Home: Settlers and Sojourners in the Country* Queson City. Philippine Migration Research Network and Philippine Social Science Council, 2001. Цит. по: *Exploring Transnational Communities in the Philippines*. Edited by Virginia A. Miralao and Lorna P. Makil. 2007.
26. CIA. The World Factbook Philippines // URL: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/rp.html> [Дата обращения: 24.03.2009 г.].
27. Demographic history of the Philippines. Encyclopedia // URL: <http://www.nationmaster.com/encyclopedia/Demographic-history-of-the-Philippines> [Дата обращения: 21.03.2009 г.].
28. Esperon: Indicators show MILF peace pact possible by 2010 // URL: http://oprapp.gov.ph/index.php?option=com_content&task=view&id=295&Itemid=115 [Дата обращения: 05.04.2009 г.].
29. Evangelista Oscar and Susanna. The Vietnamese in Palawan, Philippines: A Study of Local Integration// *Exploring Transnational Communities in the Philippines*. Edited by Virginia A. Miralao and Lorna P. Makil. 2007. P. 74-90.
30. *Exploring Transnational Communities in the Philippines*. Edited by Virginia A. Miralao and Lorna P. Makil. Queson City, 2007. 174 p.
31. Gavin Sanson Bagares, *Philippine Daily Inquirer*. January 28. 2006. P. 2.
32. George T. S. *Revolt in Mindanao. The Rise of Islam in Philippines*. Oxford, 1980. 394 p.
33. *Government and Politics of the Philippines* /Edited by C. Lande. Singapore-New York, 1988. 452 p.
34. Gowing P.G. *Muslim Philipinoes – Heritage and Horizon*. Queson City, 1979. 319 p.
35. Headland Thomas N. Negrito religions: Negritos of the Philippines Islands. Edited by Mircea Eliade // *Encyclopedia of religion*, vol. 10. New York: Macmillan, 1987. pp. 348-349.
36. *History of the Philippine Islands* by Antonio de Morga // URL: <http://www.gutenberg.org/etext/7001> [Дата обращения: 03.04.2009 г.].
37. Index Mundi. Philippines Population// URL: (<http://www.indexmundi.com/philippines/population.html>) [Дата обращения: 13.03.2009 г.].
38. Languages of Philippines // URL: http://www.ethnologue.com/show_country.asp?name=PH [Дата обращения: 03.04.2009 г.].
39. Lin Lynda. A Little Tokyo Rooted in the // URL: <http://www.pacificcitizen.org/content/2007/national/apr20-lin-davaokuo.htm> [Дата обращения: 03.04.2009 г.].
40. Migration Information Source // URL: <http://www.migrationinformation.org/Resources/philippines.cfm> [Дата обращения: 22.03.2009 г.].
41. Miralao Virginia A. Understanding the Korean Diaspora in the Philippines // *Exploring Transnational Communities in the Philippines*. Edited by Virginia A. Miralao and Lorna P. Makil. 2007. P. 24-40.
42. Nelly van Doorn-Harder. Islam in Southeast Asia. *Encyclopedia of Islam and the Muslim World*. Edited by Martin, Richard C. Macmillan Reference, 2004. vol. 1. 778 p.
43. Nick Joaquin, *Culture and History: Occasional Notes on the Process of Philippine Becoming*: Anvil Publishing, 2004. 222 p.
44. Peiros I. Austronesian: What linguists know and what they believe they know. Geneva, June 10-13.: Paper presented at the workshop on Human migrations in continental East Asia and Taiwan. 2004.
45. Ramos F.V. Break not the Peace (The Story of GRP-MNLF; Peace Negotiations, 1992-1996). Manila, 1996. URL: http://www.mnlf.net/The_Final.htm
46. Rappa Antonio L., Wee Lionel. *Language Policy and Modernity in Southeast Asia: Malaysia, the Philippines, Singapore, and Thailand*. Springer, Science+Business Media, Inc., 2006. P. 59-77.
47. Ronald E. Dolan, ed. *Philippines: A Country Study*. Washington: GPO for the Library of Congress, 1991// URL: <http://countrystudies.us/philippines> [Дата

обращения: 16.02.2009].

48. Solheim II Wilhelm G. Origins of the Filipinos and Their Languages // URL: http://web.kssp.upd.edu.ph/linguistics/plc2006/papers/FullPapers/I-2_Solheim.pdf [Дата обращения: 04.04.2009 г.].

49. South Philippines as Zone of Peace and Development. // Citra Indonesia. 1996. N 9. Sept.

50. Suspension Treatment with MIFL // Far Eastern Economic Review. 6.02. 1997. P. 13.

51. Tan-Cullamar Evelyn. The Indonesian Diaspora in Southern Mindanao: Implications for Philippine-Indonesian Relations. Unpublished doctoral dissertation. Philippine Studies Program. Asian Center, University of the Philippines. Queson City, 1989.

52. Thapan Anita R. Tradition, change and Identity: Sindhi Immigrants in Manila // The Philippines as Home: Settlers and Sojourners in the Country. Queson City. Philippine Migration Research Network and Philippine Social Science Council, 2001. Цит. по: Exploring Transnational Communities in the Philippines. Edited by Virginia A. Miralao and Lorna P. Makil.

53. The Constitution of the Republic of Philippines. Queson City, 1986. P. 36. URL: <http://www.uznal.org/constitution.php?text=Philippines&language=e> [Дата обращения: 18.03.2009 г.].

54. The Philippines and Terrorism// URL: http://www.adl.org/Terror/tu/tu_0404_philippines.asp [Дата обращения: 05.04.2009 г.].

55. Yande Chen. A Study of the Philippine Chinese in Cebu City: Then and Now // The Philippines as Home: Settlers and Sojourners in the Country Queson City. Philippine Migration Research Network and Philippine Social Science Council, 2001. Цит. по: Exploring Transnational Communities in the Philippines. Edited by Virginia A. Miralao and Lorna P. Makil. 2007.